

СОВРЕМЕННОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНСТРУКТ

Т. М. Шавердо

Белорусский государственный университет, г. Минск;

tamara.shaverdo17@ya.ru;

науч. рук. – А. В. Рубанов, д-р.социол. наук, проф.

Понятие «современность» является одним из наиболее распространенных в социально-гуманитарном знании, и первая опасность, которая подстерегает нас, это его кажущаяся простота. Мы говорим о современности в самых разных контекстах и смыслах: «современная музыка», «современное общество», «современная социальная теория» и т.д. Содержание этого понятия улавливается на уровне ассоциаций и ощущений, но в рамках академического дискурса мы не можем ограничиться признанием за понятием «современность» статуса самоочевидности. В статье «современность» рассматривается в качестве некой «формы», которая приобретает различное содержание в зависимости от языка описания. Эксплицируются различные способы обозначения «границ» современности, а также осуществляется группировка подходов к «содержательному» наполнению данного понятия. Рассматривается взаимосвязь между онтологическим и эпистемологическим полюсами в определении понятия «современность». Производится различение категорий «модерн» и «современность», показывается «конструируемость» феномена современности и его идеологическая окраска.

Ключевые слова: современность; референциальная современность; модерн; неомодерн; постмодерн; социальный конструкт.

Распространенность понятия «современность» в обыденном языке часто мешает воспринимать «современность» как научную категорию. Мы предпримем попытку концептуализировать данное понятие в дискурсе социально-гуманитарного знания и обозначим ряд подходов к определению исследуемого феномена.

Во-первых, современность можно рассматривать с двух позиций: 1) как физическую пространственно-временную реальность; 2) в связке с понятием «актуальность». В первом случае «современность» – это время со-временное нам, синхронизированное с нами. Вторая позиция позволяет оперировать понятием «современность» не ограничиваясь лишь физическими параметрами, и переносит нас в смысловое поле, где разворачиваются «отношения» между «актуальностью» и «современностью». Белорусский социолог В. Абушенко выводит своеобразную «формулу» взаимоотношения этих понятий: «Современное всегда актуально, а вот актуальное не всегда современно» [1]. Таким образом, происходящее «сегодня» – всегда актуально для нас, но «вчерашнее» вполне может актуализироваться «сегодня».

Во-вторых, в разговоре о современности нельзя не затронуть вопрос о том, в какой логике мы воспринимаем само «время» – в диахронной или синхронной. В первом случае современность – это этап на исторической

линии, во втором случае мы исходим из множественности современностей, которые существуют одновременно. В этом контексте уместно упомянуть оригинальную концепцию «множественности модернов», разработанную израильским социологом Ш. Айзенштадтом [4]. Однако нельзя отрицать существования неких «очагов», которые диктуют всем участникам мировых социокультурных процессов свои смыслы и ценности, задавая мерило, образец, в том числе и образец «современности» – здесь речь идет о западноевропейских обществах.

То, что «Запад» относится к «Остальному миру» как к отсталому, не обязательно исходит из не-современности этого «Остального», но скорее из «идеологического позиционирования современности Запада» [2, с. 177]. Такую «современность» бельгийский историк Б. Бевернаж называет референциальной исторической современностью, т.е. некой образцовой современностью. Именно с позиции референциальной современности Других можно категоризировать как «отсталых», «принадлежащих прошлому», или, наоборот, «передовых», «воплощающих будущее» [2].

В-третьих, современность можно рассматривать как определенный масштабный процесс, некогда начавшийся и до конца не завершившийся к настоящему моменту. Так, например, З. Бауман начинает свой анализ современности с явления «холокоста» [4]. Массовое уничтожение евреев в период Второй мировой войны стало чудовищным разоблачением идеи новоевропейской рациональности. Концентрационный лагерь – это не просто котлован жестокости, но и гигантская машина рациональности: ни капли крови, ни грамма человеческих волос, ни кучки пепла не «пропало даром». Идеалы модерна, вместе с шестью миллионами жизней, сгорели в газовых камерах. Ужасы Второй мировой войны, охватившие практически весь Земной шар, можно считать точкой отсчета, с которой начинается новый идейно-мировоззренческий этап.

Требуется обозначить, что само понятие современность – изобретение модерна, (от англ. *modern*, фр. *modernite* – «современный»), однако было бы не верно синонимизировать эти понятия. «Модерн» предстает для нас как определенный комплекс мировоззренческих установок – индивидуализм, вера в прогрессивное развитие общества, всемогущество разума и т.д. В противовес «модерну», «современность» невозможно описать как набор определенных установок, т.к. само по себе понятие «современность» предстает своеобразной «формой», которая приобретает различное содержание в зависимости от выбранного языка описания. Таким образом, под современностью мы будем понимать то, что происходит «здесь и сейчас», и задает актуальность действительности.

При рассмотрении социальных феноменов (не исключение и феномен современности) необходимо удерживать во внимании одновременно два полюса – «онтология» и «эпистемология» [1]. На полюсе онтологии встает принципиальный вопрос: онтологии существуют «сами по себе»,

или они являются продуктом нашей мыслительной деятельности? От ответа на этот вопрос зависит то, что происходит на полюсе эпистемологии. Если мы убеждены, что есть некая реальность, которая существует «сама по себе», то мы занимаем жесткую субъект-объектную оппозицию в познании, где наша задача правильно «отразить» реальность и выразить ее в универсальных законах – такая точка зрения типична для классического этапа социально-гуманитарных наук. Мы же стоим на позициях современной социальной теории и убеждены что, «мы не отражаем реальность саму по себе, а познаем ее в рамках тех возможностей, которые есть у наших инструментов познания» [1, с. 70]. Говоря о социальных науках, мы подразумеваем язык описания. Притом свобода выбора исследователя чаще всего оканчивается в момент выбора этого самого языка, так как дальше язык диктует свои правила игры.

Феномен современности преломляется в различных теоретических концепциях, каждая из которых по-своему расставляет акценты в модели социальной реальности. В попытке упорядочить все многообразие теоретических концепций, белорусский исследователь В. Фурс предлагает выделять два основных полемических взгляда на состояние современности. Первая стратегия – постмодернистская – основана на идее «завершения модерна», а значит и на утверждении постмодерна как самостоятельного, самодостаточного этапа. Постмодернисты усматривают разрушение структур, по отношению к которым человек на протяжении всей истории осуществлял референцию, и провозглашают «смерть» трех грандиозных элементов новоевропейской системы координат – Бога, автора и субъекта. Представители второй позиции – неомодернистской – не считают, что «похороны» Бога, автора и субъекта состоялись. В нынешнем положении дел они усматривают не смерть системообразующих социальных структур, а, скорее, их радикализацию и проблематизацию.

Отдельного внимания заслуживает взгляд современного социолога и антрополога Б. Латура. Его точка зрения не вписывается до конца ни в постмодернистский, ни в неомодернистский дискурс. Латур выдвинул знаменитый тезис о том, что Нового времени не было: «В бесчисленных столкновениях Древних и Новых первые оказываются победителями столько же раз, сколько и последние, и ничто не позволяет нам сказать наверняка, подводят ли революции черту под старыми режимами или являются их окончательным воплощением» [3, с. 70]. Удерживая во внимании одновременно пласт эпистемологии и онтологии, мы понимаем, что в данном случае Латур указывает на конструируемость понятия Нового времени / Модерна интеллектуальной элитой. Притом сначала появляется именно теоретический идейно-мировоззренческий проект, который затем воплощается в ходе социокультурной практики. Здесь форма не отражает содержание, а как бы репрессирует его.

Идеям Латура созвучна точка зрения британского философа П. Осборна, который вводит понятие «фикция современности». Говоря, что современность фикциональна, он не имеет в виду, что она нереальна. Фикция современности работает как перформативное высказывание, которое «описывает настоящее» и тем самым «социально актуализирует» не существующее в реальности единство прожитых времен [2].

Современность как изобретение модерна тесно связано с понятием «референциальной современности», которая позволяет не только проводить историческую периодизацию, но и говорить о пространственно-временном «отставании» или «опережении». Таким образом, концепт Модерна навеки «осовременил» себя уже в самом названии проекта, одновременно маркируя всех Других как не-современных. А если эти Другие не современны, значит их, попросту, нет в этом пространственно-временном континууме, а значит и необходимость считаться с ними (условно не западными обществами) отпадает сама собой.

Выход из этого тупика Б. Бевернаж усматривает в том, чтобы деконструировать понятие референциальной исторической современности [2]. Конечно, не стоит утверждать, будто исторической современности не существует; скорее, следует принять во внимание, что понятие исторической современности не является примордиальным, а является конструктором, способным впоследствии репрессировать социальную практику.

Библиографические ссылки

1. *Абушенко, В.Л.* Современная социология: проблемы, рамки, основания / В.Л. Абушенко; авт.- сост. А. В. Комаровский. – Минск: Экономпресс, 2016. – 502 с.
2. *Бевернаж, Б.* Аллохронизм, равенство во времени и современность / Б. Бевернаж; пер. с англ. К. Сарычевой под ред. А. Олейникова // Социология власти.– 2016.– № 2. – С. 174–202.
3. *Латур, Б.* Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Б. Латур; пер. с фр. Д. Я. Калугина; науч. ред. О.В. Хархордин. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. – 240 с.
4. *Титаренко, Л.Г.* Современная западная социология: реконструкция парадигм / Л.Г. Титаренко. – Минск: БГУ, 2015. – 215 с.